

Научная статья

УДК 340

DOI 10.17150/1819-0928.2024.25(1).20-33

EDN SSAWRB

Судебная деятельность и ее виды: кибернетический подход

Виктор Васильевич Игнатенко*Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия
rector@bgu.ru, <http://orcid.org/0000-0001-6215-3799>***Светлана Васильевна Праскова***Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия
savap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4518-3659>***Валентина Валерьевна Чуксина***Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия
v-chuksina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6640-4997>*

АННОТАЦИЯ

В статье поднимается вопрос о возможности комплексного изучения всех направлений функционирования суда как единой в своей природе деятельности по реализации судебной власти. Констатируется, что в законодательстве судебная деятельность регулируется разнородно. Попытки ее комплексного изучения неоднократно предпринимались в отечественной юриспруденции, но сейчас практически отсутствуют работы, в которых судебная деятельность изучалась бы в целом. Авторы полагают, что такой подход необходим и предлагают для его обоснования использовать методологию кибернетики.

В качестве методологической основы исследования обосновывается, что любая реализация власти является социальным управлением. Поэтому осуществление государственной власти может быть рассмотрено в рамках управленческого процесса. Констатируется, что судебная деятельность неразрывно связана с правоприменением, которое может быть рассмотрено как стадия в интегральном механизме юридического управления и одновременно как процесс локального управления. В целом субъектом такого управления является государство, но конкретные полномочия рассредоточены между разными органами, поэтому разные стадии управления могут осуществляться разными субъектами от имени государства.

На этой основе судебная деятельность разделяется на три вида, каждый из которых имеет особенности управленческой природы: 1) правоприменительное (казуальное) правосудие; 2) нормативное (общее) правосудие и разъяснения по вопросам судебной практики; 3) осуществление судами законодательной инициативы. Обосновывается, что деятельность по организационному обеспечению деятельности судов (судебное управление) нельзя относить к судебной деятельности в силу его иной природы: оно не является осуществлением судебной власти.

В завершение констатируется, что судебная деятельность (за исключением осуществления законодательной инициативы) однородна по своей управленческой природе, что создает предпосылку для ее комплексного изучения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

правосудие, судопроизводство, судебная деятельность, судебное толкование, судебный нормоконтроль, судебное управление, управление, кибернетический подход

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Игнатенко В.В., Праскова С.В., Чуксина В.В. Судебная деятельность и ее виды: кибернетический подход // Академический юридический журнал. 2024. Т. 25, № 1. С. 20–33. DOI 10.17150/1819-0928.2024.25(1).20-33. EDN SSAWRB

Original article

Judicial activity and its types: cybernetic approach

Victor V. Ignatenko

Baikal State University, Irkutsk, Russia

rector@bgu.ru, <http://orcid.org/0000-0001-6215-3799>**Svetlana V. Praskova**

Baikal State University, Irkutsk, Russia

savap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4518-3659>**Valentina V. Chuksina**

Baikal State University, Irkutsk, Russia

v-chuksina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6640-4997>

ABSTRACT

The article raises the question of the possibility to study comprehensively all areas of the court functioning as a single activity in its nature to implement the judiciary. It is stated that in the legislation judicial activity is regulated heterogeneously. Attempts of its comprehensive study have been made repeatedly in domestic jurisprudence, but now there are practically no works in which judicial activity would be studied as a whole. The authors believe that such an approach is necessary and suggest using a cybernetics methodology to justify it. As a methodological basis of the study, it is justified that any implementation of power is social management. Therefore, the exercising of state power can be considered as a part of the management process. It is also noted that judicial activity is inextricably linked with law enforcement, which can be viewed as a stage in the integral mechanism of legal management and at the same time as a process of local management. In general, the subject of such governance is the state, but specific powers are divided among different bodies, so different stages of governance can be carried out by different entities on behalf of the state.

On this basis, judicial activity is classified into three types, each of them has peculiarities of a managerial nature: 1) law enforcement (casual) justice; 2) normative (general) justice and clarification of judicial practice; 3) implementation of legislative initiative by the courts. It is justified that the activities of organizational support for the activities of the courts (judicial administration) cannot be categorized as judicial activity due to its different nature: it is not the exercise of judicial power.

In conclusion, it is stated that judicial activity (with the exception of the implementation of a legislative initiative) is homogeneous in its managerial nature, which creates a prerequisite for its comprehensive study.

KEYWORDS

justice, legal proceedings, judicial activities, judicial interpretation, judicial regulation, judicial administration, administration, cyber approach

FOR CITATION

Ignatenko V.V., Praskova S.V., Chuksina V.V. Judicial activity and its types: cybernetic approach. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*. 2024;25(1):20–33. (In Russian). DOI 10.17150/1819-0928.2024.25(1).20-33. EDN SSAWRB

Введение — постановка проблемы

Деятельность суда является не только особым видом государственной деятельности, но и одной из важнейших гарантий демократического устройства государства. Однако, как и работа иных ветвей государственного аппарата, деятельность судов очень разнородна и может быть охарактеризована через различные термины. Например, в главе 7 Конституции Российской Федерации¹ используются два основных термина: правосудие и судопроизводство. Первое, исходя из буквального смысла конституционных норм, осуществляется только судом, второе — является осуществлением судебной власти (часть 2 ста-

ты 118). Используются также словосочетания «разбирательство дел» и «слушание дел» (часть 1 статьи 123). Ни один из приведенных терминов не охватывает деятельность судов в целом.

Законодательство оперирует весьма обширным набором полномочий судов, которые находят свое выражение в самых разных направлениях деятельности: осуществление правосудия (рассмотрение дел, разрешение споров), обобщение судебной практики, разъяснение по вопросам судебной практики, анализ судебной статистики, осуществление законодательной инициативы, организационное обеспечение деятельности судов и др.² Одновременно в правовых актах до-

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общенар. голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>.

² См., например: О Верховном Суде Российской Федерации : федер. конституц. закон от 05 февр. 2014 г. № 3-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 6. Ст. 550; О судах общей юрисдикции в Российской Федерации : федер. конституц. закон от 07 февр. 2011 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 898.

статочно активно используется словосочетание «судебная деятельность» именно в случаях, когда необходимо охватить все направления функционирования судов. Так, закрепляется принцип невмешательства в судебную деятельность³, деятельность конкретного суда определяется как предмет запроса⁴, регулируется какое-либо участие в деятельности всей судебной системы⁵ и пр. Однако даже поверхностный анализ этих норм показывает, что словосочетание «судебная деятельность» в них используется в общеупотребимом в русском языке смысле, а не в качестве профессионального термина: законодатель не наделяет его особым специальным содержанием. При этом в действующей системе норм различные направления работы судов составляют вполне устоявшийся и признанный предмет правового регулирования.

Столь разнородное правовое регулирование заставляет усомниться в существовании судебной деятельности как единого явления.

И действительно, в рамках отечественной юриспруденции судебная деятельность традиционно изучается по ее различным направлениям. В основном изучение полномочий суда и форм их реализации осуществляется в рамках процессуальных отраслей права, но они акцентируют внимание на соответствующих процедурных особенностях той или иной деятельности суда, и охватывают помимо нее действия иных участников процесса. Кроме того, ни одна из наук процессуального права не характеризует все аспекты деятельности того или иного суда, с другой стороны, ни один процесс не осуществляется всеми судами Российской Федерации. Например, гражданско-процессуальное и уголовно-процессуальное право регламентирует только деятельность су-

дов общей юрисдикции, арбитражно-процессуальное право регулирует деятельность только арбитражных судов, а административное право частично охватывает деятельность и судов общей юрисдикции, и арбитражных судов. Своего рода исключением в этом плане представляется конституционный процесс, но лишь в силу единичности его субъекта — Конституционного Суда Российской Федерации.

Комплексный подход к изучению деятельности судебных органов можно было бы ожидать от науки о судебной системе и правоохранительных органах Российской Федерации, однако здесь большее внимание уделяется взаимодействию судов между собой и с иными органами государственной власти, строению судебной системы, чем характеристике ее функционирования⁶. Вместе с тем комплексный подход, не разделяющий осуществление судебной власти на отдельные виды процесса и иные направления деятельности, является, на наш взгляд, необходимым условием изучения судебной деятельности.

В первую очередь, необходим единый подход к изучению правосудия. Безусловно, в рамках различных процессов разрешение споров имеет своеобразие, но в части концептуальных идей, принципов оно едино. Такое единство в первую очередь обуславливается одним субъектом (судом), поскольку единые принципы формирования органа, структуры, порядка принятия решений (судоустройственные принципы) уже предопределяют общие начала деятельности (судопроизводственные принципы). Этот теоретический тезис подтверждается нормами Конституции Российской Федерации и детализирующими ее положениями Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации»⁷, где закреплены основы именно правосудия, а не принципы осуществления гражданского, уголовного, административного, арбитражного или конституционного судопроизводства. Причем, в равной степени здесь закреплены и судоустройственные, и судопроизводственные принципы, что создает основу для единого подхода к проблеме сущности судебной деятельности и комплексного ее исследования.

³ См., например: О противодействии коррупции : федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ (ст. 7, п. 9) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52, ч. 1. Ст. 6228; О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : федер. закон от 08 мая 1994 г. № 3-ФЗ (ст. 18, ч. 1) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 28. Ст. 3466.

⁴ См., например: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ст. 453, ч. 3, п. 1) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52, ч. I. Ст. 4921; Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (ст. 29.1.1, ч. 2, п. 1) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

⁵ См., например: О статусе судей в Российской Федерации : закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-I (ст. 9, п. 3) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1792; Об органах судейского сообщества в Российской Федерации : федер. закон от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ (ст. 4, подп. 3) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 11. Ст. 1022.

⁶ Пожалуй, единственным диссертационным исследованием, специально посвященным судебной деятельности, следует признать работу И.Ю. Носкова [1]. Однако оно целиком построено на формально-юридическом подходе и, на наш взгляд, носит в большей степени обобщающий характер, нежели раскрывает природу судебной деятельности.

⁷ О судебной системе Российской Федерации : федер. конституц. закон от 31 дек. 1996 г. № 1-ФКЗ // Российская газета. 1997. № 3.

Следует отметить, что попытки рассмотрения деятельности суда как сложной, но единой в своей основе деятельности, независимо от отраслевой принадлежности рассматриваемого дела, неоднократно встречаются в российской юридической литературе. Доктрина, связавшая три процесса (гражданский, уголовный, административный) в одно целое и провозгласившая, что наука процесса едина, что отдельные процессы есть лишь отдельные отрасли науки процессуального или судебного права, зародилась еще в 1827 году [2, с. 28]. Она получила некоторое развитие в конце XIX — начале XX века, одним из примеров является труд В.А. Рязановского «Единство процесса» [2], опубликованный впервые в 1920 году. В советской период вопрос о формировании судебного права, как единой отрасли права, регламентирующей деятельность суда, также поднимался неоднократно. Эта проблема была упомянута в 1927 году в учебном пособии для вузов «Основы советского права» [3, с. 4–6], подготовленном Институтом советского права. В 60–80-х годах XX века вышло несколько монографий, посвященных проблеме формирования судебного права, и в первую очередь выделению единых принципов судебной деятельности [3–6]. Но этот подход к изучению деятельности суда подвергался критике [3, с. 11], не получив достаточного распространения в советской юридической науке.

В современных российских условиях данная проблема не только не утратила своей актуальности, но и приобрела новый стимул к развитию в силу самостоятельности и независимости судебной власти. Именно функциональное и институциональное обособление судебной власти в государственном механизме порождает принципиальный вопрос: может ли ее реализация рассматриваться как единая по своей природе? А при отрицательном ответе возникает вопрос иного рода: какую власть помимо судебной реализует судебная система?

И действительно, насколько обосновано объединять столь различные по форме направления деятельности как правосудие, разъяснение по вопросам судебной практики, принятие регламента суда, обращение суда с законодательной инициативой и пр. только на том основании, что его осуществляет суд? Возможно ли рассматривать судебную деятельность как единую по своей природе?

По мнению авторов, такой подход является не только обоснованным, но и необходимым.

Отсутствие в юридической науке устоявшегося подхода к изучению судебной деятельности как

целостного явления является следствием применения сугубо формально-юридического метода. Законодатель, регулируя деятельность суда, исходит из практических целей определения формы деятельности по конкретному направлению. А процессуальные различия предопределены разными целями соответствующей деятельности. Однако это не отменяет ни единства природы судебной власти, ни единого субъекта ее осуществления — суда. Следует согласиться с И.Ю. Носковым, что «судебная деятельность как предмет исследования может быть рассмотрена с нескольких точек зрения, что, безусловно, отразится на содержании его определения» [7, с. 101]. На наш взгляд, залогом результативности изучения судебной деятельности как единого явления является применение методологии, принципиально отличной от юридической, а именно — кибернетического подхода. Рассмотрение какой-либо целенаправленной деятельности как процесса управления является универсальным способом изучения любого подобного воздействия: социального, биологического и технического. К сожалению, в настоящий момент эта универсальная методология мало используется. В этой связи авторам представляется важным рассмотреть природу судебной деятельности с позиций кибернетического подхода и определить ее разновидности.

Подчеркнем, что предметом настоящего исследования является осуществление судом деятельности по реализации государственно-властных полномочий, составляющих судебную власть.

Социальное управление и власть

Осуществление судебной власти, как и любого другого вида государственной власти, на наш взгляд, в полной мере отвечает признакам социального управления и может быть рассмотрено в качестве управленческого цикла.

Единое понятие управления отсутствует, но в наиболее общем виде его можно определить как деятельность, совершаемую субъектом (управляющей системой) по отношению к объекту (управляемой системе) с тем, чтобы, преобразовав его, обеспечить движение к заданной цели [8, с. 7].

При этом можно выделить следующие наиболее существенные признаки управления:

1) негэнтропийный характер: способность не разрушаться и даже прогрессивно развиваться и тенденция к оптимизации (экстремизации): направленность на достижение системой состояния, отличающегося значением параметров, максимально способствующими ее поддержанию и развитию;

2) неразрывное единство с информацией: информация является той необходимой и достаточной мерой воздействия на систему, при которой процесс управления может беспрепятственно осуществляться, одновременно она является средством воздействия субъекта на объект;

3) обратная связь: субъект управления получает информацию об эффекте, достигнутом тем или иным действием объекта управления, о достижении или недостижении цели;

4) целенаправленность [9, с. 244–273].

Особым, высшим видом управления является сознательная деятельность преследующего свои цели человека, которая получила название социального управления. Но это не любая человеческая деятельность. Социальное управление понимается как воздействие на общество в целом или его отдельные звенья (производство, социально-политическую и духовную жизнь, отрасли экономики, предприятия и т.д.) с тем, чтобы обеспечить сохранение их качественной специфики, их нормальное функционирование, совершенствование и развитие, эффективную реализацию поставленной в начале управленческого цикла цели [8, с. 6–7].

Особенности социального управления не исчерпываются спецификой субъекта и объекта управления. В отличие от технических систем — это, прежде всего, воздействие на общественные отношения через волю и сознание людей, и оно всегда носит волевой характер [10, с. 23]. Собственно этой чертой и объясняется наличие целенаправленности, которая в строгом смысле этого слова присуща только человеческой деятельности, что неоднократно отмечалось учеными [9, с. 248–253]. Но волевой характер социального управления проявляется и в иной плоскости: с одной стороны, воздействие субъекта на объект представляет собой волевой сознательный акт первого, с другой, объект управления также человек, т.е. активный, целеполагающий, сознательный, волевой субъект или их совокупность. И в отличие от технических процессов социальное управление лишь в ограниченном числе случаев предстает как «командование — исполнение — контроль», оно не может исполняться автоматически. Цель управления может быть достигнута путем исключительно информационного воздействия лишь в случае, когда воля объекта совпадает с волей субъекта. Во всех остальных случаях для достижения цели субъект должен воздействовать не только информационно, но и применить иные способы с тем, чтобы объект не имел возможности поступить иначе, чем предписывается (отклониться от предписанной

линии поведения). Обычно воздействие на людей — активных, целеполагающих, сознательных, волевых субъектов — осуществляется посредством косвенного воздействия на их сознание через стимулы и антистимулы, гибкую систему правовых и иных социальных норм [11, с. 35]. Именно поэтому процесс социального управления неразрывно связан с социальной властью.

Власть, как и управление, трудно определить однозначно. С одной стороны, практически все социальные отношения так или иначе связаны с властью, и проявления ее чрезвычайно многообразны и разнородны. С другой стороны, трудно не согласиться с утверждением, что власть едина, что она просто в разных формах воздействует на различные стороны жизни общества. Власть представляет собой средство функционирования всякой социальной общности и обеспечивает отношения подчинения руководящей в данном обществе воле, с помощью системы различных средств и методов управляет и добивается соблюдения социальных норм [12, с. 84].

В юриспруденции власть чаще всего понимается как право и возможность распоряжаться, определяемые совокупностью полномочий, обеспечивающих с помощью правовых норм организацию согласованной деятельности людей и организаций [13, с. 99]. А в философской и политологической литературе власть характеризуется как «социальное средство командования», как «общественное отношение команды — подчинения», как «способность организовывать поведение классов, слоев» [14]. Эти характеристики свидетельствуют о неразрывной связи власти и социального управления.

Значение власти и управления в становлении и функционировании человеческого общества трудно переоценить, это древнейшие характеристики социума. Как справедливо отмечают В.Г. Афанасьев и А.Д. Урсул, «управление представляет собой внутренне присущее свойство общества на любой ступени его развития, оно всеобщее и вытекает из системной природы общества, из коллективистского характера труда людей, из необходимости их общения, обмена результатами своей материальной и духовной деятельности» [8, с. 6]. Одновременно нельзя не согласиться с утверждением о том, что всякому обществу присуща организация, дисциплина и власть [10, с. 24]. Причем власть выступает как необходимое функциональное свойство любого сообщества или коллектива людей [15, с. 80].

Представляется обоснованным суждение о том, что всякое проявление власти есть управ-

ление [10, с. 32]. Действительно, если один субъект может воздействовать на другой с тем, чтобы обеспечить удобную ему линию поведения, то такое воздействие можно считать управлением. Любое проявление власти в полной мере отвечает вышеперечисленным признакам управления. Но это далеко не тождественные явления.

Частично в этом плане следует согласиться с Н.М. Кейзеровым [Цит. по: 10, с. 33], который считает управление более широким понятием, чем власть. Действительно, управление машиной, технологическим процессом не требует применения власти, последняя является сугубо социальной категорией [10, с. 33], но дело не только в том, что управление помимо социальных систем существует также в биологических и технологических. Отождествление социальной власти с управлением представляется неверным, прежде всего в силу разнородности этих понятий. Эти научные категории характеризуют один и тот же социальный процесс, но с различных аспектов. Можно выделить несколько основных моментов их различия.

1. Управление основывается на механизме информационного воздействия в целях оптимизации системы. Внимание уделяется самому механизму движения информации, выработки решения, сопоставления цели и достигнутого результата и т.п. При этом не учитываются волевые, субъективные моменты взаимодействия субъекта и объекта. Категория же власти, напротив, акцентирует внимание на психологическом и социологическом аспектах взаимодействия субъекта и объекта, методах его осуществления (в первую очередь, принуждения).

2. Управление охватывает всю систему — и субъект, и объект управления в их неразрывном единстве. При характеристике власти, хотя единство властвующего субъекта с подвластным объектом и подразумевается, наибольшее внимание уделяется именно субъекту. Система в целом не охватывается.

3. Управление характеризует динамику системы, в то время как власть акцентирует внимание на ее статическом состоянии, самой организации системы.

Приведенные различия тем не менее не отменяют сделанного ранее утверждения. Напротив, представляется чрезвычайно важным оценить традиционно устоявшиеся понятия о власти с иной точки зрения. Но в целях терминологической чистоты следует подчеркнуть, что управлением мы будем считать любое *проявление* власти, а не саму власть, как социальное явление. С этой точки зрения можно с полным

основанием поддержать позицию тех ученых, которые считают, что содержание власти наиболее ярко проявляется в государственном управлении. Социальное управление есть процесс реализации власти [10, с. 31–32].

Соответственно любой процесс реализации государственной власти, как одного из видов власти социальной можно считать управлением. Таким образом, мы вправе рассматривать реализацию судебной власти как особый вид социального управления.

Именно с позиций кибернетического подхода следует говорить не о судебной власти, а о судебной деятельности. С этих позиций *судебную деятельность можно определить как реализацию судебной власти в рамках процесса управления, субъектом которого выступает суд*. Обособление этой деятельности в механизме государственного управления в целом осуществляется за счет ее субъекта — суда, только он является носителем судебной власти. Подчеркнем, что с этих позиций деятельность ни органов судейского сообщества, ни специальных структур, созданных для обеспечения функционирования судов, не может рассматриваться как судебная.

В процессе судебной деятельности суд осуществляет целенаправленное воздействие, но при этом объект и способы его воздействия могут существенно различаться. Именно эти особенности и позволят нам выделить основные виды судебной деятельности.

Правоприменение в процессе управления

Основная часть судебной деятельности в юриспруденции определяется как правоприменительная. Поэтому в целях оценки функционирования суда как субъекта управления требуется определить управленческую природу правоприменительной деятельности в целом.

Правоприменение представляет собой деятельность компетентных государственных органов, сущность которой состоит в вынесении соответствующих общим установлениям правовых норм индивидуально-конкретных юридических предписаний, обращенных к персонально определенным субъектам [16, с. 73]. При этом правоприменение традиционно рассматривается как одна из стадий правового регулирования. Но применительно к нашему исследованию представляется более целесообразным рассматривать правоприменение не в процессе правового регулирования, а в юридическом механизме управления, предложенном И.Я. Дюрягиным [16, с. 52–72]. Дело в том, что в юридической науке механизм

правового регулирования как результат сочетания права и деятельности государства обычно не рассматривается, хотя это подразумевается. Изучая механизм правового регулирования, ученые, выражаясь языком теории управления, ограничиваются раскрытием прямых связей в системе «механизм правового регулирования — общественные отношения» [17, с. 16–17]. Это понятие акцентирует внимание на правовых средствах управления (онтологический аспект права). В то время как юридический механизм отражает именно систему управления, осуществляемого посредством права, включая характеристику управляющего субъекта и управляемого объекта (функциональный аспект права). Данные термины характеризуют по сути одно и то же явление, но в разноплановом подходе [16, с. 54].

Как известно, процесс управления включает в себя несколько стадий, причем в зависимости от конкретной ситуации количество их может быть разным. Обычный цикл управления можно выразить через следующие стадии:

- 1) формирование цели (прогнозирование);
- 2) сбор и обработка исходной информации, необходимой для принятия решения (планирование);
- 3) принятие решения;
- 4) реализация решения (исполнение);
- 5) контроль за исполнением, регулирование, обобщение и анализ результатов выполнения принятых решений [18, с. 14].

Причем четвертая стадия осуществляется управляемой системой (объектом управления), в то время как прочие представляют собой деятельность субъекта.

Юридический механизм управления в полной мере отвечает этим этапам: на первых трех стадиях осуществляется правотворчество, где создаются нормы права, затем они реализуются обществом (4-я стадия), и информация об эффективности такого регулирования по каналам обратной связи возвращается к государственным органам, которые при необходимости могут вновь прибегнуть к регулированию (5-я стадия). В теории управления под регулированием понимается сохранение деятельности системы в заданном режиме [19, с. 81]. Регулирование становится необходимым, если вследствие каких-либо возмущающих факторов намечается рассогласование между фактическим и расчетным (предусмотренным согласно принятому решению) состоянием объекта управления. В таком случае субъект управления должен создать корректирующую программу, чтобы цель управления могла

быть достигнута [18, с. 13]. В юридическом механизме управления потребность в таком регулировании возникает, если объект управления на этапе исполнения отклонился от предписанной линии поведения (совершил правонарушение). Либо же реализация нормы невозможна без решения компетентного государственного органа. В такой ситуации необходима корректирующая программа, которой и является правоприменительная деятельность государственных органов.

Таким образом, в процессе государственного управления правоприменительная деятельность является завершающей стадией управленческого цикла. Но специфика государственного управления состоит в том, что субъект, осуществляющий издание первоначальной управленческой команды (нормативный правовой акт), и субъект, осуществляющий издание корректирующей команды (правоприменительный акт), различаются. В глобальном аспекте субъектом государственного управления является государство, но применительно к конкретным видам деятельности эти функции рассредоточены между разными органами власти. По своей сути правоприменительная деятельность — это реакция государства на обратную связь, т.е. создание корректирующей команды в механизме юридического управления.

Одновременно правоприменение является самостоятельным циклом управления, где управляющий субъект на основе правовых предписаний общего характера и необходимых юридических фактов в рамках правоприменительного правоотношения издает управленческое решение конкретного характера (правоприменительный акт) и передает его управляемому субъекту [16, с. 59–60].

Пользуясь терминологией, предложенной А.А. Крушановым [9, с. 253–259], юридический механизм управления следует рассматривать как интегральное управление, тогда как правоприменение — как локальное. При этом в локальной системе правоприменитель выступает как субъект управления, а в системе интегрального он выступает и как субъект, и как объект. Такой ступенчатый характер управления объясняется сложностью социальной системы. В ней между объектом и субъектом нет абсолютных граней: система, будучи субъектом управления по отношению к данному объекту, сама является объектом или одним из элементов объекта, управляемого другим субъектом [20, с. 158]. Объект также конкретизируется в локальном управлении. На уровне интегрального управления — это общество в целом, в процессе же правоприменения объект конкретизируется в виде отдельных индивидов или их организаций.

Рассматривая правоприменение как процесс локального управления, следует отметить, что он будет полным только при условии включения в него процесса исполнения правоприменительного решения, а также контроля за полнотой его исполнения (4 и 5-я стадии управленческого цикла).

Рассмотрим судебную деятельность с позиций этой методологии.

Виды судебной деятельности с позиций кибернетического подхода

Как отмечалось выше, в отечественной юриспруденции выделяется множество видов и направлений судебной деятельности. Остается верным утверждение В.А. Лазаревой, высказанное более 20 лет назад: в научной юридической литературе нет ясности не только по вопросу о том, какие функции выполняет судебная власть и в каких формах она реализуется, но отсутствуют и четкие критерии, позволяющие относить определенные виды судебной деятельности к категории функции или формы [21, с. 51].

Рассмотрение судебной деятельности в рамках процесса управления позволяет разделить ее на три разновидности, имеющие разную управленческую природу⁸.

1. Правоприменительное (казуальное) правосудие.

Это основная часть судебной деятельности, существо которой составляет разрешение споров и иных дел по конкретным вопросам⁹. Она представляет собой классический пример правоприменительной деятельности, а потому в интегральном процессе юридического управления представляет собой реакцию государства на обратную связь.

⁸ Необходимо сделать оговорку, что в настоящем исследовании в качестве основы взято соотношение правосудия и судопроизводства, а также разделение правосудия на казуальное и нормативное, ранее предложенное одним из авторов [22, с. 47–48]. С этих позиций реализацией судебной власти следует признавать правосудие, т.е. деятельность суда по рассмотрению дел. Содержание судопроизводства шире, поскольку этот процесс включает в себя деятельность не только суда, но и иных участников процесса. Однако процесс управления, как было отмечено, включает в себя характеристику не только субъекта, но и объекта, а также их взаимодействие. В этой связи, рассматривая именно судебную деятельность, будем говорить о правосудии, а рассматривая управленческий процесс, частью которого является судебная деятельность, — о судопроизводстве.

⁹ Понимая спорность такой позиции, авторы относят к казуальному правосудию не только разрешение всех возможных конкретных споров и дела особого производства, но и реализацию таких особых полномочий как заключение Конституционного Суда Российской Федерации о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента Российской Федерации, заключение Верховного Суда Российской Федерации о наличии в действиях Президента Российской Федерации, Генерального прокурора Российской Федерации и (или) Председателя Следственного комитета Российской Федерации признаков преступления и т.п.

Рассматривая правоприменительное судопроизводство как самостоятельный управленческий процесс, отметим, что субъектом в нем является суд, а объектом — конкретные лица, обратившиеся в суд. При этом процесс такого управления будет неполным.

Как уже было сказано, полный цикл управления подразумевает исполнение решения, которое осуществляется управляемой системой, но под контролем субъекта управления, принявшего это решение. Являясь выработкой корректирующего решения, казуальное судопроизводство в цикле юридического управления, не подразумевает контроль за его исполнением. Этим занимается другая государственная структура, деятельность которой не может быть включена в судопроизводство, поскольку не является реализацией судебной власти. Образно говоря, приняв решение, суд передает процесс управления другим органам государства. Таким образом, в судопроизводстве отсутствует такой важнейший признак управления, как обратная связь. Следовательно, на наш взгляд, *казуальное судопроизводство* следует рассматривать лишь как *неполный цикл управленческого процесса — правоприменения*.

Другой интересной особенностью казуального судопроизводства является то, что одно и то же дело может несколько раз рассматриваться разными субъектами — судами в различных инстанциях. Апелляционная, кассационная и надзорная инстанции традиционно считаются контрольными стадиями судопроизводства, поскольку вышестоящая инстанция проверяет законность и обоснованность решения нижестоящей, т.е. осуществляет контроль за ее деятельностью. Однако в контексте судопроизводства как одной из стадий правоприменения вряд ли можно говорить о контроле. На наш взгляд, здесь имеет место одна и та же стадия правоприменения, поскольку речь идет о разрешении одной и той же жизненной ситуации, об одном и том же корректирующем решении. И до принятия такого решения (вне зависимости от инстанции) далее правоприменение осуществляться не может.

Таким образом, можно констатировать, что *правоприменительное судопроизводство* является процессом локального управления, в котором отсутствуют стадии исполнения и обратной связи, одновременно представляет собой завершающую стадию интегрального процесса управления в рамках механизма юридического управления — выработку корректирующей команды как реакции на обратную связь.

2. Нормативное (общее) правосудие и разъяснения по вопросам судебной практики.

В данном случае речь идет о судебном нормоконтроле, осуществляемом в процессе конституционного¹⁰, административного и арбитражного судопроизводства, а также официальном судебном толковании Конституции Российской Федерации¹¹, осуществляемом в форме конституционного судопроизводства. К этому виду судебной деятельности также следует относить разъяснения по вопросам судебной практики, которые дает Верховный Суд Российской Федерации в целях обеспечения единообразного применения законодательства.

Оценивая место судебного толкования в механизме юридического управления, следует констатировать его однородность с казуальным правосудием. Разъяснение какой-либо нормы, конкретного вопроса, даже если оно адресовано индивидуально неопределенному кругу лиц, остается своего рода корректирующей программой, регулированием, осуществляемым в порядке контроля реализации первоначального управленческого решения – нормативного правового акта. Характер информации, вырабатываемой в процессе такого управления, будет принципиально отличен от казуального судопроизводства – она будет нормативной. Но ее природа останется неизменной – корректирующая управленческая программа. Подтверждением этому является тот факт, что результат любого судебного толкования применяется лишь вместе с толкуемым актом.

Сложнее с реализацией функции «негативного законодателя»: осуществляя нормоконтроль, суды корректируют изначальное управленческое решение, т.е. не толкуют его применительно к кон-

кретной жизненной ситуации (группе ситуаций), а изменяют саму первоначальную команду. Это можно отнести как к 3-й стадии управленческого цикла, так и к 5-й. Понимая всю спорность вопроса, остановимся на том, что в случае признания конкретного положения нормативного акта недействующим, суды, как и при казуальном правосудии, издают корректирующую управленческую команду. Основные аргументы тому следующие: 1) это детальность судов, а не правотворческих органов; 2) суды могут только отменять нормы права, но не могут создавать их; 3) признание нормы недействующей осуществляется только на основе обращения по конкретной жизненной ситуации (даже если речь идет об абстрактном конституционном нормоконтроле).

Рассматривая судебное толкование и судебный нормоконтроль как самостоятельный процесс управления, также можно выделить сходство и различие с казуальным правосудием. Различие заключается в том, что здесь объектом управления выступает общество в целом, поскольку разъяснение того или иного вопроса судебной практики, положения нормативного акта, отмена этого положения не имеет конкретного адресата. Оно дается без отношения к конкретному субъекту, даже если дается по поводу какой-либо конкретной жизненной ситуации. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с нормативным управлением.

Сходство же заключается в том, какое место в механизме юридического управления занимают эти виды судебной деятельности, а также в том, что в данном случае мы имеем дело с неполным циклом управления, поскольку суды не исполняют свои решения и не контролируют их исполнение. Отклонение от нормы, истолкованной судом, является такого же рода правонарушением, как и отклонение от нормы, изданной законодателем. И рассматриваться подобное правонарушение будет в общем порядке – казуального судопроизводства.

Интересен вопрос о наличии в этом локальном управлении стадии обратной связи. На первый взгляд может показаться, что при осуществлении функций разъяснения по вопросам судебной практики суды получают обратную связь, результатом чего является внесение изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Однако, на наш взгляд, обратная связь здесь присутствует в отношении не создания таких разъяснений в качестве корректирующей команды, а содержания правовых норм, практика применения которых разъясняется. Иначе говоря,

¹⁰ К данному виду деятельности следует, на наш взгляд, относить и реализацию таких особых полномочий Конституционного Суда Российской Федерации, как проверка конституционности проектов законов, разрешение вопроса о возможности исполнения решений межгосударственных органов и др. Основанием для такого вывода служит тот факт, что результаты такой деятельности будут обязательны для неопределенного круга лиц.

¹¹ Оговоримся, что в юридической литературе общепризнанно отличие деятельности по официальному толкованию от осуществления правосудия, основой для чего является отсутствие спора и его сторон. Имеет особенности и процесс этой деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, а также его итоговые решения [см. подробно: 23]. Однако осуществляется такая деятельность в форме судопроизводства. А с позиций кибернетического подхода деятельность Конституционного Суда Российской Федерации по официальному толкованию Конституции Российской Федерации полностью однородна с деятельностью Верховного Суда Российской Федерации, когда он дает разъяснения по вопросам судебной практики: это управленческая команда, корректирующая исходную управленческую команду, определенную в нормативном правовом акте.

эта обратная связь имеет место в процессе интегрального, а не локального управления.

Таким образом, разница между нормоконтролем и праворазъяснительной деятельностью судов, с одной стороны, и осуществлением казуального правосудия, с другой, заключается лишь в степени определенности объекта управления. В остальном это также завершающая стадия юридического механизма управления и процесс локального управления, в котором отсутствуют исполнение и обратная связь.

И именно в этом контексте представляется правильным отнесение данных видов судебной деятельности к правоприменению, а не к правотворчеству.

3. Осуществление судами законодательной инициативы.

Эта деятельность является реализацией полномочий, предоставленных лишь отдельным судам. Часть 1 статьи 104 Конституции Российской Федерации наделяет правом законодательной инициативы в федеральном законодательном процессе Конституционный Суд Российской Федерации и Верховный Суд Российской Федерации по вопросам их ведения. Применительно к региональному законодательству федеральный законодатель не предусмотрел обязательность наделения судов правом законодательной инициативы¹², но конституции и уставы субъектов Российской Федерации зачастую самостоятельно наделяют таким правом суды регионального уровня¹³ или их руководителей¹⁴.

Осуществление судами законодательной инициативы представляет собой интерес с точки зрения их юридической природы, поскольку подразумевает участие судов в несвойственной

им законодательной деятельности. Но наибольший интерес представляет именно управленческая природа такой деятельности.

Законодательная инициатива никоим образом не является корректирующей программой первоначальной управленческой команды, это деятельность, предшествующая формированию этой первоначальной команды (даже в том случае, когда речь идет об изменении положений закона). Сама по себе законодательная инициатива присутствует на 2-й стадии обозначенного управленческого цикла и является элементом правотворческой деятельности в юридическом механизме управления. При этом правотворчество, в свою очередь, является локальным процессом управления в интегральном процессе правового регулирования. Однако специфика законодательной инициативы судов заключается в том, что эта инициатива всегда специализирована. Она предоставлена судам не по всем возможным вопросам законодательного регулирования, а лишь в той части, которая отнесена к ведению судов. Таким образом, суды вправе инициировать лишь те проекты, которые являются отражением их деятельности по осуществлению правосудия либо внутренней организации работы судов. Иначе говоря, внося такую инициативу, суды доносят до законодательных органов необходимость изменений, обусловленных практикой реализации законов, т.е. речь идет об обратной информации.

В теории управления под обратной информацией понимается, с одной стороны, исходная, сообщающая субъекту управления о состоянии объекта, его потребностях в осуществлении управленческого воздействия, с нее начинается цикл управления. С другой стороны, это информация о состоянии объекта после реализации управленческого решения, позволяющая субъекту контролировать управление и вносить в него необходимые корректировки [24, с. 199–200]. В первом случае речь идет о сборе информации, предшествующем созданию управленческой команды, во втором — об обратной связи. Именно о второй части обратной информации идет речь при реализации судами права законодательной инициативы. На это обстоятельство, в частности, указывал профессор С.Д. Князев, отмечая, что наделение судов правом участия в законотворческом процессе является, по сути, своеобразным каналом их «обратной связи» с законодательной властью и нередко может служить едва ли не единственным юридически приемлемым оперативным способом преодоления недостатков (изъянов) действующего законодательства [25, с. 386]. Эта черта

¹² Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : федер. закон от 21 дек. 2021 г. № 414-ФЗ (ст. 10) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52 (ч. 1). Ст. 8973. Закон не предусматривает суды в качестве субъектов, которые в обязательном порядке наделяются правом законодательной инициативы, и прямо не называет их в качестве субъектов, которые могут быть наделены таким правом. Однако данный перечень является открытым и может быть дополнен регионом самостоятельно.

¹³ См., например: Устав Калужской области : постановление Зак. собр. Калужской обл. от 27 марта 1996 г. № 473 : ред. от 31 мая 2022 г. (ст. 43, п. 2, подп. «з») // Губернский вестник. 2001. № 3; Устав Воронежской области : постановление Зак. собр. Воронежской области от 16 дек. 2022 г. (ст. 18, ч. 1) // Воронежская область : офиц. портал. URL: <https://www.govrn.ru> (дата обращения: 20.12.2022).

¹⁴ См., например: Устав города Москвы : закон г. Москвы от 28 июня 1995 г. (ред. от 28 дек. 2022 г. № 40) (ст. 36, ч. 1) // Ведомости Московской городской Думы. 2001. № 8. Ст. 130; Устав Липецкой области : постановление Липец. обл. Совета депутатов от 27 марта 2003 г. № 222-пс (ст. 29, ч. 5) // Информационный бюллетень Липецкого областного Совета депутатов. 2003. № 4.

кардинально отличает судебную деятельность по осуществлению законодательной инициативы от двух первых ее видов, поскольку результатом судопроизводства и разъяснений по вопросам судебной практики является прямая информация, хотя и корректирующего характера¹⁵.

Однако наиболее существенно, что, реализуя законодательную инициативу, суды участвуют в интегральном механизме юридического управления, а не в локальном управлении правоприменительного уровня. Иначе говоря, внесение законопроекта судом является информационным процессом, основанным на обработке информации о результатах локального правоприменительного управления, в результате которой вырабатывается новая управленческая команда нормативного уровня. Именно она и передается на стадию правотворчества, являясь входящей информацией, которая впоследствии будет обрабатываться и перерабатываться субъектом локального правотворческого управления — законодательным органом.

Таким образом, реализация судами законодательной инициативы по своей управленческой природе принципиально отличается от иных видов судебной деятельности: это действия между уровнями локального управления, а не в пределах одного из них. Данное обстоятельство в некоторой степени заставляет усомниться в правильности отнесения законодательной инициативы судов к судебной деятельности. Однако, на наш взгляд, это именно так, поскольку это полномочие характеризует судебную власть, а, реализуя его, суд выступает элементом интегрального процесса государственного управления.

Право законодательной инициативы правоприменительных органов является одним из каналов обратной связи, который обеспечивает единство государственного аппарата как субъекта управления. В противном случае разделение правотворческих, правоприменительных и контрольных функций привело бы к тому, что обратная связь к правотворческому субъекту поступала бы только в виду обращений непосредственно заинтересованных лиц — субъектов гражданского общества и статистических данных.

Отдельно следует сказать об организационном обеспечении деятельности судов. В отечественной

науке данное направление деятельности часто называют судебным управлением (внутрисистемным судебным управлением). К нему принято относить комплектование судейского корпуса, формирование структуры судов, отбор и расстановку кадров в аппарате судов, материально-техническое и финансовое обеспечение судов, ведение судебной статистики, повышение квалификации судей и работников аппарата судов и др.

Согласимся с позицией Е.В. Кузнецовой, что в содержание судебного управления следует включать следующие направления, осуществляемые внутри судебной системы:

— деятельность по ориентированию судебной системы на дальнейшее развитие (целеполагание, планирование и прогнозирование развития судебной системы, выработка предложений по совершенствованию судостроительства, судопроизводства, статуса судей, а также разработка корпоративных этических требований, разъяснений и рекомендаций для судов, защита интересов судей и т.п.);

— обеспечение деятельности судебной системы: мероприятия по организационному, кадровому, ресурсному (финансовому и материально-техническому), информационному и аналитическому обеспечению судебной системы;

— оперативное управление судами и органами судейского сообщества (внутриорганизационное управление, а именно управленческие функции председателей судов, президиумов суда, руководителей судебных коллегий и т.п.) [27, с. 105].

Оценивая данное направление, необходимо прежде всего отметить, что далеко не все из обозначенных видов деятельности осуществляются судами. Назначение судей, осуществляемое органами законодательной власти и Президентом Российской Федерации, ни при каких условиях нельзя отнести к осуществлению судебной власти, а потому — и к судебной деятельности. Аналогично, на наш взгляд, следует рассматривать и деятельность, осуществляемую Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации и органами судейского сообщества. Только по критерию субъекта деятельности основную часть судебного управления нельзя считать судебной деятельностью.

Но даже когда речь идет об организационной работе, осуществляемой председателями судов или их аппаратом, этот процесс имеет совершенно иную управленческую природу по сравнению с видами судебной деятельности, указанными выше.

Во-первых, такая деятельность вообще не входит в юридический механизм управления,

¹⁵ Прямая информация представляет собой собственно управленческое решение — сгусток исходной информации, специально собранной, проанализированной и переработанной субъектом управления. Оно являет собой синтез информации о настоящем состоянии системы с информацией о будущем, выраженном в цели, которая запрограммирована, поставлена перед системой [26, с. 147].

являясь лишь его материальной предпосылкой. Безусловно, внутрисистемное судебное управление можно рассматривать как процесс управления, но этот процесс будет иметь в качестве как субъекта, так и объекта элементы государственного аппарата. Взаимодействие с гражданским обществом в этом случае не осуществляется.

Во-вторых, эта деятельность составляет полный управленческий цикл, начиная с анализа потребности и заканчивая окончательным ее удовлетворением. Процесс судебного управления начинается со стадии правотворчества, когда суды принимают регламенты и иные нормативные правовые акты, регулирующие вопросы внутренней организации работы судебной системы (не исключая нормативное регулирование более высокого уровня), и включает в себя корректирующие команды в виде принятия председателями судов управленческих решений, в том числе решений о привлечении судей к дисциплинарной ответственности¹⁶.

В-третьих, целью такого управления является вовсе не определенное состояние общества, а лишь определенное состояние судебной системы.

В этой связи, на наш взгляд, судебное управление вообще нельзя признать реализацией судебной власти, а потому и судебной деятельностью. Безусловно, этот вывод расходится с формально-юридической трактовкой, основанной на принадлежности судам полномочий по организационному обеспечению их деятельности¹⁷. Но именно поэтому и имеет смысл применять кибернетический подход.

Оценивая судебное управление в контексте его управленческой природы, можно сделать вывод, что это одна из частей особого процесса управления, характерного для государственного

аппарата в целом, — его внутренней организации. Этот процесс в своей основе един для всех элементов государственного аппарата и характеризуется взаимодействием его различных частей, что и иллюстрирует порядок назначения судей, в котором участвуют все ветви власти. Однако в интегральный механизм юридического управления он не входит, являясь особой разновидностью государственной деятельности. Потому и относить судебное управление к судебной деятельности было бы неверным.

Выводы

Подводя итог сказанному, авторы напоминают читателю, что данное исследование является попыткой осмысления различных направлений деятельности суда как единого в своей основе процесса. Основанием для такого интегративного подхода является природа судебной власти в системе разделения властей и единство ее субъекта — суда.

Примененный в настоящем исследовании кибернетический подход позволяет сделать вывод, что вся судебная деятельность по своей управленческой природе может быть разделена на две неравные части:

1) реализация судами законодательной инициативы, что является одним из каналов обратной связи в интегральном механизме юридического управления;

2) осуществление судами правосудия и разъяснение Верховным Судом Российской Федерации вопросов судебной практики, что является корректирующей командой в интегральном механизме юридического управления и может быть адресовано как конкретным лицам, так и неопределенному кругу лиц.

В свою очередь, деятельность, направленная на организационное обеспечение деятельности судов, вообще не должна относиться к судебной деятельности в силу иной управленческой природы.

Таким образом, главным результатом исследования является следующий вывод: основная деятельность судов едина по своей природе, а потому она может быть исследована комплексно. Этот вывод мы и предлагаем читателю для дальнейшего развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Носков И.Ю. Судебная деятельность: понятие, виды, основные характеристики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / И.Ю. Носков. — Москва, 2016. — 187 с.
2. Рязановский В.А. Единство процесса / В.А. Рязановский. — Москва : Городец, 1996. — 74 с.
3. Проблемы судебного права / под ред. В.М. Савицкого. — Москва : Наука, 1983. — 224 с.
4. Демократические основы советского социалистического правосудия / под ред. М.С. Строговича. — Москва : Наука, 1965. — 392 с.

5. Конституционные основы правосудия в СССР / под ред. В.М. Савицкого. — Москва : Наука, 1981. — 360 с.
6. Бибило В.Н. Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора / В.Н. Бибило. — Минск : Университетское, 1986. — 160 с. — EDN YLCVGH.
7. Носков И.Ю. Судебная деятельность как разновидность юридической деятельности / И.Ю. Носков. — DOI 10.17238/issn2072-909X.2015.6.101. — EDN TZKWLH // Российское правосудие. — 2015. — № 6 (110). — С. 101–104.
8. Афанасьев В.Г. Эффективность социального управления: системно-деятельностный подход / В.Г. Афанасьев, А.Д. Урсул // Информация и управление : филос.-методол. аспекты / под ред. А.Г. Антипенко, В.И. Кремянского. — Москва : Наука, 1985.
9. Крушанов А.А. К вопросу о природе управления / А.А. Крушанов // Информация и управление : филос.-методол. аспекты / под ред. А.Г. Антипенко, В.И. Кремянского. — Москва : Наука, 1985.
10. Тихомиров Ю.А. Власть и управление в социалистическом обществе / Ю.А. Тихомиров. — Москва : Юрид. лит., 1968. — 200 с.
11. Кудрявцев Ю.В. Нормы права как социальная информация / Ю.В. Кудрявцев. — Москва : Юрид. лит., 1981. — 144 с.
12. Тихомиров Ю.А. Публичное право : учебник / Ю.А. Тихомиров. — Москва : БЕК, 1995. — 485 с.
13. Новый экономический и юридический словарь : 10 000 терминов / ред. А.Н. Азрилиян. — Москва : Ин-т новой экономики, 2003. — 1083 с.
14. Власть. Очерки современной политической философии Запада / ред. В.В. Мшвениерадзе. — Москва : Наука, 1989. — 325 с.
15. Фарбер И.Е. Вопросы теории советского конституционного права : в 2 т. / И.Е. Фарбер, В.А. Ржевский. — Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1967. — Т. 1 — 319 с.
16. Дюрягин И.Я. Право и управление / И.Я. Дюрягин. — Москва : Юрид. лит., 1981. — 168 с.
17. Краснянский В.Э. Правовая информация в системе государственного и хозяйственного управления / В.Э. Краснянский. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1985. — 105 с.
18. Шемакин Ю.И. Научно-техническая информация и управление : лекции для потребителей информации / Ю.И. Шемакин. — Москва : МЦНТИ, 1977. — 65 с.
19. Халфина Р.О. Право как средство социального управления / Р.О. Халфина. — Москва : Наука, 1988. — 256 с.
20. Афанасьев В.Г. Научное управление обществом / В.Г. Афанасьев. — 2-е изд-е, доп. — Москва : Политиздат, 1973. — 390 с.
21. Лазарева В.А. Судебная власть и уголовное судопроизводство / В.А. Лазарева. — EDN XFCUQN // Государство и право. — 2001. — № 5. — С. 49–56.
22. Праскова С.В. Теоретические основы гласности правосудия : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / С.В. Праскова. — Москва, 2004. — 214 с. — EDN MDYJDI.
23. Игнатенко В.В. Особенности итоговых решений Конституционного Суда Российской Федерации по делам о толковании Конституции Российской Федерации / В.В. Игнатенко, А.А. Петров. — EDN VQPTWN // Академический юридический журнал. — 2018. — № 4 (74). — С. 14–20.
24. Урсул А.Д. Информация : методол. аспекты / А.Д. Урсул. — Москва : Наука, 1971. — 295 с.
25. Князев С.Д. Конституционная природа судебного законотворчества в Российской Федерации / С.Д. Князев. — DOI 10.17150/1819-0928.2021.22(4).386-389. — EDN BSHMYA // Академический юридический журнал. — 2021. — Т. 22, № 4 (86). — С. 386–389.
26. Афанасьев В.Г. Социальная информация и управление обществом / В.Г. Афанасьев. — Москва : Политиздат, 1975. — 408 с.
27. Кузнецова Е.В. Судебное управление: основные подходы к понятию и содержанию / Е.В. Кузнецова. — DOI 10.46741/2713-2811-2021-3-101-106. — EDN PIRRDK // Ius Publicum et Privatum. — 2021. — № 3 (13). — С. 101–106.
28. Превенция коррупции в судебной системе Российской Федерации: коррупциогенность дискреционных полномочий председателя суда / Н.А. Петухов, Е.В. Рябцева, Ю.Н. Туганов, В.К. Аулов — DOI 10.17150/2500-4255.2020.14(6).823-833. — EDN UAKVVM // Всероссийский криминологический журнал. — 2020. — Т. 14, № 6. — С. 823–833.
29. Кудряшова А.В. Об управленческих полномочиях председателя районного суда и необходимости совершенствования их правового регулирования / А.В. Кудряшова. — DOI 10.34216/1998-0817-2019-25-4-166-169. — EDN HIFCRP // Вестник Костромского государственного университета. — 2019. — Т. 25, № 4. — С. 166–169.
30. Носков И.Ю. Судебная деятельность: понятие, виды, основные характеристики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / И.Ю. Носков. — Москва, 2016. — 22 с.

REFERENCES

1. Noskov I.Yu. *Judicial activity: concept, types, main characteristics.. Cand. Diss.* Moscow, 2016. 187 p.
2. Ryazanovskii V.A. *Unity of the process.* Moscow, Gorodets Publ., 1996. 74 p.
3. Savitskii V.M. (ed.). *Problems of judicial law.* Moscow, Nauka Publ., 1983. 224 p.
4. Strogovich M.S. (ed.). *Democratic foundations of Soviet socialist justice.* Moscow, Nauka Publ., 1965. 392 p.
5. Savitskii V.M. (ed.). *Constitutional foundations of justice in the USSR.* Moscow, Nauka Publ., 1981. 360 p.
6. Bibilo V.N. *Constitutional principles of justice and their implementation at the execution stage.* Minsk, Universitetskoe Publ., 1986. 160 p.
7. Noskov I.Yu. Judicial Activity as a Type of Legal Activities. *Rossiiskoe pravosudie = Russian Justice*, 2015, no. 6, pp. 101–104. (In Russian). EDN: TZKWLH. DOI: 10.17238/issn2072-909X.2015.6.101.

8. Afanasev V.G., Ursul A.D. Social management effectiveness: system-activity approach. In Antipenko A.G., Kremyanskii V.I. (eds). *Information and management*. Moscow, Nauka Publ., 1985.
9. Krushanov A.A. On the nature of governance. In Antipenko A.G., Kremyanskii V.I. (eds). *Information and management*. Moscow, Nauka Publ., 1985.
10. Tikhomirov Yu.A. *Power and governance in a socialist society*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1968. 200 p.
11. Kudryavtsev Yu.V. *Rule of law as social information*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1981. 144 p.
12. Tikhomirov Yu.A. *Public Law*. Moscow, BEK Publ., 1995. 485 p.
13. Azriliyan A.N. (ed.). *New Economic and Legal Dictionary*. Moscow, Institute of New Economics Publ., 2003. 1083 p.
14. Mshvenieradze V.V. (ed.). *Essays on Contemporary Western Political Philosophy*. Moscow, Nauka Publ., 1989. 325 p.
15. Farber I.E., Rzhetskii V.A. *Issues of the theory of Soviet constitutional law*. Saratov, Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1967. Vol. 1. 319 p.
16. Dyuryagin I.YA. *Law and Management*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1981. 168 p.
17. Krasnyanskii V.Eh. *Legal information in the system of state and economic management*. Leningrad State University Publ., 1985. 105 p.
18. Shemakin Yu.I. *Scientific and technical information and management*. Moscow, International Center for Scientific and Technical Information Publ., 1977. 65 p.
19. Khalfina R.O. *Law as a means of social management*. Moscow, Nauka Publ., 1988. 256 p.
20. Afanasev V.G. *Scientific management of society*. 2nd ed. Moscow, Politizdat Publ., 1973. 390 p.
21. Lazarev V.A. Judicial power and criminal proceedings. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2001, no. 5, pp. 49–56. (In Russian). EDN: XFCUQN.
22. Praskova S.V. *Theoretical foundations of justice publicity*. Cand. Diss. Moscow, 2004. 214 p. EDN: MDYJDI.
23. Ignatenko V.I., Petrov A. Specific Features of Final Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation on Interpretation of the Constitution of the Russian Federation. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, 2018, no. 4, pp. 14–20. (In Russian). EDN: VQPTWN.
24. Ursul A.D. *Information*. Moscow, Nauka Publ., 1971. 295 p.
25. Knyazev S.D. The Constitutional Nature of Judicial Law-making in the Russian Federation. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, 2021, vol. 22, no. 4, pp. 386–389. (In Russian). EDN: BSHMYA. DOI: 10.17150/1819-0928.2021.22(4).386-389.
26. Afanasev V.G. *Social Information and Social Management*. Moscow, Politizdat Publ., 1975. 408 p.
27. Kuznetsova E.V. Judicial Administration: the Main Approaches to the Concept and Content. *Ius Publicum et Privatum*, 2021, no. 3, pp. 101–106. (In Russian). EDN: PIRRDK. DOI: 10.46741/2713-2811-2021-3-101-106.
28. Petukhov N.A., Ryabtseva E.V., Tuganov Yu.N., Aulov V.K. Preventing Corruption in the Judicial System of the Russian Federation: Opportunities for Corruption Connected with the Discretionary Powers of the Court Chairperson. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 6, pp. 823–833. (In Russian). EDN: UAKVVM. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(6).823-833.
29. Kudryashova A.V. About Administrative Powers of the Chairman of District Court and Need of Improvement of Their Legal Regulation. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of Kostroma State University*, 2019, vol. 25, no. 4, pp. 166–169. (In Russian). EDN: HIFCRP. DOI: 10.34216/1998-0817-2019-25-4-166-169.
30. Noskov I.Yu. *Judicial activity: concept, types, main characteristics..* Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2016. 22 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Виктор Васильевич Игнатенко — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, ректор Байкальского государственного университета. 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11; SPIN-код: 2241-6435.

Светлана Васильевна Праскова — кандидат юридических наук, доцент, директор Института государственного права и национальной безопасности. Байкальский государственный университет. 664003, Россия, Иркутск, ул. Ленина, 11; Researcher ID: AAC-8601-2020.

Чуксина Валентина Валерьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой правового обеспечения национальной безопасности Института государственного права и национальной безопасности. Байкальский государственный университет, 664003, Россия, Иркутск, ул. Ленина, 11; Researcher ID: AAR-8923-2021.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Victor V. Ignatenko — Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Rector Baikal State University. 11, Lenin st., Irkutsk, Russia, 664003; SPIN-code: 2241-6435.

Svetlana V. Praskova — Ph.D. in Law, Associate Professor, Director of the Institute of State Law and National Security. Baikal State University. 11, Lenin st., Irkutsk, Russia, 664003; Researcher ID: AAC-8601-2020.

Valentina V. Chuksina — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of legal support of national security of the Institute of State Law and National Security. Baikal State University. 11, Lenin st., Irkutsk, Russia, 664003; Researcher ID: AAR-8923-2021.

Поступила в редакцию / Received 05.02.2024

Доработана после рецензирования / Revised 10.03.2024

Принята к публикации / Accepted 25.03.2024